

Луи Арагон

От Петрарки к Маяковскому

(Речь, произнесенная в Москве, в Политехническом музее,
в 21-ю годовщину со дня смерти создателя современной
политической поэзии)

Платон некогда утверждал, что поэты будут изгнаны из его Республики. Прошли века, и вот сегодня вечером, здесь, в самом сердце Республики всех республик, мы с вами можем констатировать факт: Платон оказался изгнанным, а поэт остался.

Надо, однако, сказать, что с течением времени, по мере того как изменялось общество, совершались революции, поэт перестал быть тем человеком, который вызывал беспокойство у афинского философа. Он перестал быть тунеядцем, мистификатором, шаманом и превратился в гражданина. В обновленном обществе поэзия берет за основу реальность, а не вымысел, она становится материалистической и начинает приближаться к науке. Этот процесс, правда, еще далеко не окончен, и в ходе этого процесса поэзия опережает литературную критику, пока еще, к сожалению, не приобретшую того научного характера, который желателен для всех нас, и для поэтов в первую очередь.

У каждой великой эпохи в истории были свои великие поэты. Они становились выразителями современного им общества и зачастую — глашатаями перемен, уже назревших в лоне этого общества, но еще незаметных для всех остальных людей. Эта роль поэта, ставящего вехи на пути человечества, — самая высокая, самая важная и во все времена — наиболее порицаемая его роль. Все общественные формации прошлого были заинтересованы в том, чтобы тайна их изменений оставалась тайной. Поэтому литературная критика во все времена заботилась о том, чтобы не допустить в изучении поэзии и творчества великих поэтов ничего такого, что могло бы просветить людей и навести их на размышление о природе общественных формаций и о природе их изменений. Задачей критиков во все времена было искусственно раздуть ту или иную сторону творчества поэта, чтобы заставить всех забыть о том, что имело отношение к общественным формациям.

Приведу только один пример. В Италии в XIV веке жил великий поэт по имени Петрарка. Критика донесла до нас его имя только благодаря его любовной лирике. Любовная лирика Петрарки прекрасна, однако из-за нее не следовало забывать о его философской лирике, в которой нашел свое выражение прогрессивный дух той эпохи, направление мысли, названное впоследствии Воз-

рождением. Петрарка был также поэтом-патриотом, горячим сторонником объединения Италии и ее национальной независимости. Он был другом величайшего демократа своего времени, римского трибуна Риенци¹. И все это отразилось в его поэзии, которая в современном смысле слова во многом является поэзией политической.

Все дело в том, что от XIV века вплоть до XX критика считала политику чужеродным и вредным элементом поэзии и сосредоточивала свои усилия на том, чтобы изъять этот элемент из творчества великих поэтов. Поэтому-то мы знаем Петрарку как поэта гениального, но искалеченного, поэтому-то большинство поэтов, достойных называться гениями благодаря своему неповторимому видению мира, были вычеркнуты из памяти людей или дожили до нас изуродованными, без рук и без ног, и говорят теперь с нами голосом слепого соловья.

Для того чтобы такое положение вещей изменилось, понадобилось самое грандиозное, самое полное, самое решительное из социальных преобразований в истории. Да, величие Петрарки заключалось в том, что он был поэтом возрождающейся Италии; но можно ли сравнивать счастье, выпавшее на его долю, со счастливой судьбой поэтов, призванных воспеть общество, где не существует эксплуатации человека человеком, где одновременно расцвели различные национальные культуры и развивается и крепнет дух пролетарского интернационализма, где человек перестал быть волком по отношению к другому и поставил перед собой две великие задачи: преобразование природы и самого себя.

Это счастливое призвание советских поэтов идеально воплотилось в творчестве того, кто был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашего времени,— Владимира Владимировича Маяковского.

Я недаром завел речь о Петрарке, певце мадонны Лауры, перед тем как говорить о создателе современной политической поэзии — не только в масштабе СССР, но и в мировом масштабе. Петрарка дошел до нас как поэт любви. Пусть у вас не возникнет столь же одностороннего представления о Маяковском — ведь этот исполин окажется на голову выше многих великих поэтов прошлого, даже если взять для сравнения одни только его стихи о любви. Но для нас Маяковский — прежде всего создатель современной политической поэзии, и этого факта никому нестеречь со страниц истории; он был поэтом своей Родины, поэтом Октября, поэтом международной солидарности; и именно сегодня, в нашей общей великой борьбе за мир, голос Маяковского перекрывает голоса всех других поэтов, с каждым днем он звучит все громче, с каждым днем его слышно все дальше. Этот голос возмужал в бурях революции, в первые годы строительства социализма, но и последующие завоевания народов Советского Союза, и в особенности победа в справедливой войне против фашизма, усилили резонанс поэзии Маяковского. И я позволю себе сказать, что

поэмы Маяковского, написанные поэтом более 20—30 лет назад, были закончены под Сталинградом!

В грядущем, которое берет свое начало здесь, образ Маяковского будет разительно отличаться от образов поэтов прошлого [...]. Величие Маяковского в том, что он стал создателем современной политической поэзии отнюдь не из-за невозможности писать о чем-то другом, а именно потому, что прежде он был величайшим поэтом любви среди современников. Благодаря этому обстоятельству свободный выбор Маяковским новых тем, политических и социальных, становится фактом убедительным и вдохновляющим, — фактом, который указывает новый путь молодым поэтам всех стран.

Этот путь стал отныне путем поэтов всего мира, как путь советского народа стал путем надежды всех народов. Человечество переросло идею, высказанную Гёте в «Фаусте»: «В начале было дело». Ибо в образе Фауста новых времен, Владимира Маяковского, отныне и навеки разрешается древняя дилемма поэтов, противоречие между действием и мыслью, и навсегда сливаются воедино песня и деяние.

1951